

ЧЁРНАЯ СОБАКА

1

Много лет на этом месте люди живут. На берегу многорыбной реки построили себе тёплые избы, из сосны срубленные прямоствольной. Есть уже такие, что потемнели от времени, а есть и совсем новые. Люди, как и избышки, тоже разные жили: и добрые с душой светлой, как береста в ясный день, и такие, что слова доброго не дождёшься, не то чтобы помощи какой. О таких говорили: с душой тёмной – вОрона крыло, человек. И дожившие до седин старухи и старики, и молодые тоже жили, и до сих пор живут.

Прибилась в стойбище Чёрная собака, без единого светлого пятнышка. Такая чёрная, что с ночью сливается, чернее углей, болотного ила чернее. Ходит-бродит вокруг стойбища, зверей-птиц пугает, оленей пугает, на людей такую жуть наводит, что в лес боятся ступить. Хотели уже застрелить, но один человек одинокий по имени Ерёма, добрым сердцем обладающий, упросил людей не стрелять. Взял её себе добрый человек Ерёма.

Нельзя, говорят ему, Чёрную собаку держать, чтоб без единого светлого пятнышка. А почему, и сами не знают. Только старый-старый, до седи доживший старик рассказал, что, когда он был маленький, то слышал от стариков, на снег похожих, что и сам человек наполовину может в собаку, в зверя превратиться, если Чёрную собаку себе возьмёт такую, чтобы без единого светлого пятнышка. Говорит, сначала у собаки светлые пятна будут появляться, а у человека когти начнут расти грубые звериные, и шерстью начнёт покрываться. Чем больше светлых пятен у Чёрной собаки появится, тем зверинее облик будет обретать человек. Не послушал Ерёма и старика, привадил собаку.

Прижилась Чёрная собака у Ерёмы. Уже и соседи обвыклись, перестали пугаться. Даже дети стали без боязни подходить к ней, а она оказалась ласковой и беззлобной. А ещё заметил Ерёма, что все премудрости охоты собаке знакомы: на пушнину идёт, крупного зверя не боится.

Месяц маленького снега наступил, ушёл Ерёма на охоту в дальний чум, поставленный под Белой горой у богатого дичью урия. Чёрную собаку с собой взял. Снова стали его отговаривать: не бери, мол, с собой Чёрную собаку, как бы чего плохого не вышло. Жалко Ерёму, человек он молодой, добрый жениться пора, а он так рискует. Кто его возьмёт потом, если так вот случится, что станет он звериный облик обретать. Не послушал никого.

Живёт в лесу, в чуме под Белой горой поставленном ещё дедом его. День живёт, два, три. Охотником Ерёма был добычливым. Сама дичь в руки идёт, сами пушные зверьки в слопцы-ловушки лезут. Собака чёрная свою работу знает: соболей по следу преследует, ни разу не собьётся, птицу на сосну посадит, та как привязанная сидит, ждёт, когда охотник подойдёт. Лося так прижмёт, что деваться ему некуда, только стреляй. Чёрного зверя, красного зверя много добыли. Радуетя Ерёма, что хорошую собачку прижил, а что чёрная без единого светлого пятнышка, так он уже и замечать не стал.

Уже неделя прошла, другая, третья потянулась. Стал примечать Ерёма, что светлое пятно на лбу появилось, потом вокруг глаз Чёрной собаки, а руки его вроде как грубее стали и ногти тоже огрубли, чернота какая-то наметилась. Светлые пятна вокруг глаз всё больше и больше становятся, а руки всё грубее. Взялся Ерёма за лицо рукой и ощутил холодного ветерка дуновение в груди, будто колотушкой кто по голове ударил: ладони даже огрубевшие почувствовали волосы густые на лице. Раньше такой густой и жёсткой щетины он не ощущал. Вспомнились слова старика, убелённого сединами. Испугался Ерёма. Но тут подошла Чёрная собака, лизнула ему руку мягким, тёплым языком, и забылась тревога.

Вскоре голова Чёрной собаки и вовсе белой стала. У Ерёмы же выросли длинные когти, прямо, как у собаки, лицо всё покрылось густой шерстью. Зеркала в чуме нет, себя не видит, не возьмёт в толк, насколько страшен его облик. Ну и привык вроде как Ерёма к этой перемене внешности; и к голосу огрубевшему, больше похожему на звериный рык, тоже. Привык то привык, но нет-нет да и сожмёт сердце тоска-грусть. Как, думает, примут его в селении в таком обличьи.

А в той стороне, где всходит солнце, откуда свет нарождается, за гривами беломошными, за болотами морошковыми стоял чум большой человека оленного, человека хозяйственного, трудолюбивого. А было у него семеро сыновей и одна дочь младшенькая. И выросла она красавицей писаной. Любил её отец, любила её мать, может, и больше, чем сыновей. Ну так бывает, когда младшеньким больше внимания уделяется.

Еще кедры, поросшие седым мхом, не видели такой красоты, еще вода-серебро реки многогорыбной не омывала такой красоты, ещё солнце и луна не видали такой красивой женщины. Вот какой была младшая сестра семи братьев, живущих в светлом бору в месте слияния Агана и Тром-Агана – реки самого Торума.

Обижали братья младшую сестричку: то за косу дёрнут, то бусы на пол рассыпят, а она потом собирает по одной бусинке весь день, а то и вовсе любимую куклу сожгут. А когда старше стала ещё больше братья стали издеваться над сестрой. Им было завидно, что все только и замечали их красавицу-сестру, а на них никакого внимания не обращали. Звали младшую сестру Айнэ – маленькая женщина.

Не выдержала Айнэ обид, причиняемых братьями, и ушла из дому. По борам бродила, по урманам тёмным плутала, куда идёт, и сама не знает, но лучше сгинуть в лесу, лучше менквам в руки попасть, чем с такими братьями жить. Так думала красавица, плутая в лесах, перескакивая с кочки на кочку, когда приходилось преодолевать кочкарник. Совсем выбилась из сил. День идёт, два, три. На седьмой день увидела – чум стоит под горой, дым поднимается столбом. Значит, есть кто-то живой. Остановилась недалеко Айнэ в нерешительности: и на улице уже страшно оставаться, и в чум войти страшно.

Преодолела страх, подошла к чуму. Смотрит, собака сидит у входа вся чёрная, только голова белая, а глаза синие, небом отсвечивают. Такие бы глаза любую девушку украсили, подумала девушка, но собаки не испугалась. Она же видит, что собака хвостом вильнула, значит, не собирается нападать. Подошла, собака руку Айнэ лизнула. Удивилась красавица, сердце её холодный ветерок вытолкнуло, тепло на сердце стало. Не знала она только того, что человек, в чуме живущий, посмотрел в щелку, увидел красавицу. «Как же я своё лицо открою ей», – испугался он.

Открывает она чум, входит. А там человек сидит спиной к двери, голову косматую опустил, а плечи вздрагивают. Плачет, что ли, подумала Айнэ. Какая печаль вошла в этот чум? – думает.

– Здравствуй добрый человек, – сказала приветливо Айнэ.

– Здравствуй! – рыкнул человек страшным голосом. Но не испугалась Айнэ: голос хоть и страшный, рычащий, но сказано было от души, с добрым намерением, она сразу это почувствовала.

– А почему прячешь своё лицо? – спросила Айнэ.

И тут плечи человека вздрогнули ещё сильнее.

– Нельзя мне лицо людям показывать, испугать могу. – прорычал голос.

Почему-то пришла на ум Айнэ собака чёрная с белой головой и такими красивыми глазами.

– А ты повернись, – попросила Айнэ, – может, я и не испугаюсь, сказала она твёрдо, будто готовилась к испытанию.

И Ерёма повернулся. Вздрогнула Айнэ, но не выскочила из чума, не закричала, сумела унять потрясение. Заметил Ерёма её испуг и то, что не сробела тоже заметил. И снова на

ум девушке пришла Чёрная собака с белой головой. А ещё вспомнила Айнэ, как бабушка рассказывал ей сказку о Чёрной собаке. Она тогда совсем маленькой была. И вспомнила, что расколдовал такого человека может только девушка, полюбившая такого человека с головой звериной. И она уже знала, что нужно делать для спасения. Она подошла решительно и поцеловала Ерёму.

Встряхнуло его неведомой силой, сердце теплом налилось, посмотрел на руки, а там и следа от собачьих когтей не осталось. Взялся руками за лицо, а там шерсти никакой нет. Обрадовался он, и сердце Айнэ тоже радостью наполнилось. Ерёма-то собой хорош был. Любая женщина такого молодца хотела бы в мужья взять.

Чаю попили с вареньем морошковым, супом наваристым накормил Ерёма пришедшую в его чум женщину. Удивляется Айнэ: одинокий мужчина, а такой порядок в чуме: всё на своём месте, мясо есть, рыба наловлена, шкур зверя чёрного и красного много висит. Ерёма тоже присматривается к красавице: чаю сначала ему налила, вперёд него за еду не хватается, хоть и голодная; голос приветливый, руки нежные, лицо солнечным светом отликает золотым, глаза-озёра синие, бездонные. Поговорили, узнали друг о друге. Что тут говорить, сердце красавицы оттаяло, будто лучик солнечный щекотнул, Ерёма тоже нежное дуновение южного ветерка ощутил.

Но погрустнел вдруг Ерёма. Не в бедном чуме жить достойна такая красавица, столько натерпевшаяся от своих братьев. А он только этот чум старый, да избушку маленькую может ей предложить.

– О чём задумался, Ерёма? – спрашивает Айнэ, заметив, как смолк мужчина, сердце её тронувший.

– Милая моя любимая женщина, – говорит грустно Ерёма, – я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но я человек бедный, тяжело тебе придётся: ни оленей, ни другого добра у меня нет.

– Я согласна быть тебе женой, – отвечает она, – а ты не горюй, у меня приданное есть – целое стадо оленей. Мне отец его обещал, когда замуж выйду. Только пасутся они далеко за урманом, за Священной Горой в светлом бору.

Заметила Айнэ, как Чёрная собака с белой головой уши навострила.

– Она будто речь понимает, – удивляется Айнэ.

– Так я с ней вечерами долгими разговариваю, наверное, речь человеческую выучила. Чёрная собака кивнула головой, мол, конечно понимаю.

– Как же нам стадо оленей пригнать? – думает вслух Айнэ.

– Не знаю, – говорит Ерёма, – очень далеко Священная гора. Трудно будет стадо удерживать, разбегутся олени.

– Как же быть? – сокрушается Айнэ.

– Чтонибудь придумаем, – отвечает Ерёма, и сам же себе не верит. Что тут придумаешь, уж очень далеко то место, где стадо оленей пасётся.

Отдохнула Айнэ, выпалась после долгих скитаний по лесам, сил набралась, просыпается утром. А Ерёма грустный сидит.

– Что грустишь, Ерёма? – спрашивает заботливая Айнэ.

– Собака пропала.

Тут и Айнэ встревожилась. Вышли на улицу, стали на лыжи, обошли вокруг чума – нет собаки, обошли урман – нет собаки, бор обошли – не нашли собаку, и следов нет: ночью снег выпал, всё засыпало. Кричали, кричали – не пришла Чёрная собака с белой головой. День нет собаки, два, три. На седьмой день вышел на улицу Ерёма. Какой-то шум ему приблизился. Сказал об этом Айнэ. Вышла Айнэ, приложила ухо к земле.

– Многих оленей звук топота копыт доносится, – говорит она.

Вышли за урман на открытое место такое: в три стороны далеко видно, только за спиной со стороны заходящего солнца лес густой. Облако снежной пыли далеко видно, и приближается оно.

– Что за чудо такое? – удивляется Ерёма. Но не только удивление, но и тревога закралась.

– Иди в чум, – говорит он жене, – а я встречу то, что надвигается на нас.

– Я с тобой, – решительно сказала Айнэ, – я же жена твоя, вместе всё делать будем.

Что тут скажешь. Насторожил ружье Ерёма. Спрятались за густыми елями с краю урмана. Ждут. А как ближе снежное облако подкатилось, увидели, что это стадо оленей большое мчится, а гонит оленей Чёрная собака с белой головой. Поравнялось стадо с Айнэ и Ерёмой, остановилось, зашевелились густые кусты рогов оленьих, заklubился пар, вырывающийся из ноздрей оленьих. Подбежала к хозяевам Чёрная собака и упала обессилевшая.

Занесли собаку в чум, уложили на шкуру оленью, теплым наваристым супом накормили. Суп Ерёма в свою миску налил, собаке поставил под самую морду. Совсем ослабела собака, даже встать на ноги не может. Лёжа похлебала, мяса варёного отведала.

– А собака-то у меня совсем не чёрная, – сказал Ерёма, – смотри – шея, загривок и передние ноги совсем белыми стали.

– Да, – говорит Айнэ, – прямо чудо.

А сама сказку, дедом рассказанную вспоминает. Но там про это ничего не сказано. Продолжения она не знает. Сказка на том заканчивалась, как привычное обличье человека, приютившему Чёрную собаку, вернулось.

Просыпаются утром Айнэ и Ерёма, а в чуме огонь горит, чай уже тонким свистом возвещает, что скоро закипит. У огня юноша сидит, палочкой огонь трогает. Удивились хозяева. Смотрят, а на оленьей шкуре собаки-то нет. Удивляются. Поняли, что это собака в юношу превратилась.

– Да, вы правильно догадались, – подтвердил юноша. Меня Чёрный шаман, что на многоводной реке семью с темноводными омутами живёт, заколдовал за то, что полюбил

дочь его. А я из семьи бедной. Не хотел он видеть меня зятем своим. Вот и превратил в Чёрную собаку. Он же знал, что никто такую собаку не приветит. Но вот нашлась добрая душа, – он благодарно посмотрел на Ерёму, – меня Ефремом зовут. Расколдоваться же возможно только в том случае, если покормит хозяин из своей посуды.

– Мы рады такому превращению, это чудо, посланное нам богами, – сказала весело Айнэ, и благодарно одарила светлой улыбкой мужа, что не побрезговал покормить Чёрную собаку из своей миски.

– Мы очень рады. А невесту свою ты найдёшь, раз любишь.

– Люблю, – говорит Ефрем, – и она меня любит. Наверное, глаза выплакала, ночи не спит, днём солнца не видит. Пойду к своей Самнэ, к женщине своей сердечной.

– У тебя руки не окрепшие ещё, у тебя ноги не окрепшие ещё. Поживи у нас, сил наберись, тогда и пойдёшь, – уговаривает Ерёма.

Стал собираться Ефрем в дорогу. Пока нарту мужчины делали, Айнэ малицу тёплую сшила для Ефрема, кисы. Запрягли лучших оленей, умчался Ефрем. Прямой линией, оленьими копытами, прорезающими снежные заносы, потянулся след за спину дальнего леса в сторону солнечную. Со свистом южного ветра, со свистом северного ветра понесли оленьи Ефрема навстречу своему счастью.

А Ерёма с Айнэ вернулись в стойбище. Люди приняли Айнэ благосклонно, она поладила с соседями. В рассказанную историю превращения Чёрной собаки в юношу кто-то поверил, кто-то нет.

Но всё равно до сих пор ходит поверье среди народа ханты, что нельзя держать дома собаку чёрную, чтобы не было ни единого светлого пятнышка.

ШАМАНОВА НОГА

1

Давно это было, мало осталось людей, которые ещё помнят. Уже даже путают, в какой стороне: кто говорит, что на Агане, а кто – на Тром-Агане, а кто и вовсе утверждает, что на Оби жил такой человек, такой шаман. Как теперь проверишь? Как звали шамана, все помнят – Кропкой его звали, Прокопием, то бишь. Историю, с ним приключившуюся, тоже передают из уст в уста неизменно со всеми подробностями. Такую историю по-другому и не расскажешь.

А как я узнал? Случай такой произошёл. Как-то показал мне товарищ ножны. Взял я их в руки, кручу-верчу. Не попадались такие раньше никогда. Не могу понять.

– Из рога, что ли?

– Нет, – говорит он загадочно, – это из человеческой кости.

Я чуть из рук не выпустил ножны, чуть не уронил от неожиданности. Пальцы отказались удерживать человеческую плоть, обретшую вот такую форму, такое вот содержание приобретающую.

И он рассказал, что знал. Потом и другие люди подтвердили, правда, где жил шаман Крокка, путались. Не мудрено, потом думалось мне, рассказ-то не о простом человеке.

* * *

От людей далеко поселился шаман со своей семьёй. Мало людей знали, в каком месте жил Крокка. Рядом с вечно существующим священным озером, на краю безлесой тундры, говорят жил. Молва шла, что только менквы в тех местах, на краю болота, что ближе к Чёрному Урию, обретались, но шамана не трогали. Немногие знали к нему тропинку. Когда нужна была его помощь, стариков посылали, которым ведома была дорога к его дому.

Шибко крепкий был шаман, слава о нём по всем селениям распространялась. Бывало, Крокка сам являлся в нужный момент, как с неба падал, как из-под земли выныривал. Только вот люди собирались за ним гонцов послать, вот только речь о шамане вели, а он тут как тут возникнет, будто Торум услышал мольбы людские и поставил его своей рукой в то место, где в нём нужда имелась. Вот какой был шаман...

Все помнят его уже шаманом. Каким был ребёнком, юношей – никто не помнит. Торум рано откликнулся на его призывные песни, у старого шамана с обской стороны Харча услышанные. Многому научил Харча молодого Крокку. Не у него ли жил молодой отшельник? Может, семь, а может, шесть лет странствовал где-то Крокка. Мать состарилась, глаза выплакавши. Вернулся Крокка, когда один уголёк остался.

– Раньше времени снегом усыпало, раньше времени глаза иссохли, – не думала уже, что увижу тебя, – заплакала мама.

– Не плачь, – сказал он матери, – долгое место долго шёл, короткое место коротко шёл, ноги истёр, душу занозил, сердце остудил. По дому соскучился.

И посмотрел на мать взглядом долгим и жгучим, как летний день, обдало ветерком свежим. «Мысли меняющим человеком стал мой сын», – содрогнулась снегом запорошенная женщина. Испугалась она своей догадки. Потом и другие люди узнали, но крепко тайну держали. Время такое пришло, что красный царь двух шаманов к себе забрал. И говорят, по другим рекам тоже шаманов не стало: всё красный царь. Зачем, спрашивают люди, красному царю столько шаманов? Если с каждой реки по два, и то много наберётся. Про Крокку только свои знали. Без шамана-то как жить? Люди болеют, олени болеют, Мохнатый Старик, живущий в лесу бездверном в лесу густом, с оленями нос к носу повстречаются.

А кто оборонит людей от злых духов, кто задобрит их, если нужно зверя нести в путь последний. Кто теперь песни помнит? А Крокка знал все песни, полагаемые петь, зверя – Мохнатого Старика – провожая. Очень понравилось людям, когда Крокка пять дней пел и плясал, Мохнатого Старика ублажая. Уже думали, не найдётся такого шамана, чтобы все песни знал, а вот Крокка всё сделал, как и прежде шаманы делали. Великую силу получил от Харча, старого Харитона.

А ещё такой случай был. Рыба не стала ловиться в озере. Раньше рыбы много водилось. Все ловили, всем хватало. А тут: сеть бросают – нет рыбы, невод заведут – одна тина. Задумались крепко люди. Решили шамана позвать. Приехал Кропка на своём облаке, почерневшем от времени. Ходил-ходил вокруг озера. В воду глядел, к земле по берегам прислушивался. Не одну трубку крепкого табака искурил.

– Кто медвежьи черепа спускал в воду? – спросил.

– Ну, что ты, Кропка, – говорят люди, – мы знаем, что кости медвежьи нельзя в воду спускать, а уж череп... Разве может кто-то так поступить?

– Берите невод, пойдём вот в тот залив, – не стал спорить Кропка.

Пошли.

– Заводите тут.

Один раз завели, два, три. На седьмой раз попал в невод череп медвежий. Удивились люди. Поняли, что кто-то не с добром на озеро их приходил. Прошло какое-то время, и рыба стала ловиться, как прежде. «Да, говорили люди, – Кропка крепкий шаман. Мало таких бывает на свете».

2

Совсем один Кропка остался. Жена изболелась вся – померла. Сколько не камлал, здоровья выпрашивая у Торума, не смог удержать душу её в этом свете. Но все знали, что дни женщины своей, сколько мог длинными сделал Кропка, не пустил в нижний мир раньше срока. Стали его звать с тех пор Дыханье Продлевающим Мужчиной. Похоронил её Кропка за спиной далёкого леса открытого в пору золотого пояса на тонком сукне, тонком шёлке богатой земли.

Дети разъехались, поселившись ближе к людям. Надоело жить в такой глуши. Отца звали за собой, но он – никак. Хоть и далеко от отца поселились, но живут дружно: дорогу между их стойбищами никогда не замечает. Может, это и спасло Кропку, а то бы так и сгинул...

Как-то по первому снегу поехал Кропка к ручью долго не замерзающему. Однако, до середины зимы не замерзал этот ручей. Скоро дни морозные – рыба подниматься будет в озеро, нужно к сроку успеть. Оленей запряг и поехал. Песню завёл, едет тихо, полозя чуть шуршат. Тихо вокруг, но вдруг испугались чего-то олени: то ли менква страшного, а то ли Старика Мохнатого, ещё не лёгшего в берлогу. Только так испугались, что шарханулись в сторону, да как рванут-припустят. Не удержался Кропка в нарте, слетел, да о дерево шибко сильно ударился, а когда очнулся – оленей нет, лежит он на снегу один во всём лесу бездверном. Попытался подняться – не может, нога болит, и заметил Кропка, что как-то вывернулась нога неестественно.

Дыхание холодного ветерка в душу вошло. «Как домой добираться буду?» – подумал шаман. А от дома уже далеко отъехал. Что делать? Стал ползти в сторону избушки. Спасло то, что морозы ещё сильные не разгулялись. Весь день полз, и ночь ещё прихватил. От боли губы в кровь искусал, не один раз сознания лишался. К избе подполз ни живой, ни мёртвый, лежит, голову задравши на дверь: на улице страшно оставаться и в избу страшно залезать. Заполз в избу и думает: сколь дров есть, на столько и хватит, столько и проживу.

* * *

Сколько лежал на холодном полу Кропка, того он не может знать. Зимние длинные тянущиеся трескучие ночи, короткие серые дни то тянулись густым мёдом долго, то, казалось, мелькали птицей быстрокрылой. Уже дрова кончились, помирать собрался Кропка: всех вспомнил, у всех прощения мысленно попросил, может, обидел кого не со злого умыслу. Ну так в жизни всё бывает. Избушку благодарил, что приютила в час последний. «Дома умру, найдут», – думал Кропка.

Голос послышался такой родной и знакомый, а чей – и не признать, только понимает, что родной. «Это я уже там», – думает Кропка и улыбается, что как-то так легко перешёл грань, незаметно. Вот оно как, оказывается, умирать – ничуть не страшно, ничуть не больно...

«Держись, отец, не умирай...» – слышится ему. «А разве я не умер? – думается ему сумеречным сознанием. Ветром лицо свежим обдало, лежит, как спелёнанный младенец, шкурами укрытый. Подхватили олени, со свистом северного ветра понесли.

3

Проснулся Кропка уже в больнице. Глаза открыл, вокруг всё светлое, и главное – тепло. Ему всё холод мерещится, от которого никуда спрятаться не возможно. Он же – холод и сморил его: шибко тогда на сон поклонило. А здесь тепло. Постель мягкая, белая, голове удобно на мягкой подушке лежать. «Вон оно как в нижнем мире-то! – подумал он. – Все ли так попадают, или только шаманы?»

– Проснулся, проснулся! – слышит шёпот на русском.

«Значит, я тут не один» – думает Кропка, обводит глазами вокруг. – А как русские попали в наш нижний мир?». Видит: Торум стоит весь в белом, а рядом слуги его.

– Проснулся, слава Богу. Проснулся... – слышится.

Что-то хотел сказать Кропка, да в горле всё как не своё, язык не слушается. Видит: над ним вода в бутылке, и она в руку по трубке прозрачной вливается. Как так? Не поймёт он. Ни разу же такого не видел. Он-то в своей жизни докторов ещё не знал.

– Где я? – еле выдавил из себя на русском.

Из-за спины Торума сын показался. Тоже в белом.

– Живой, живой, – говорит.

– Ну, раз проснулся, будет жить, – сказал Торум.

– В больнице, – говорит сын на хантыйском, – в больнице ты, отец, – повторяет на русском, – живой ты.

Не может понять сын, на каком языке лучше понять сможет отец, что всё хорошо, что живой.

Потом привык Кропка, что живой, привык и к тому, что ноги у него нет, что отрезали, потому что совсем негодной стала. Долго не мог Торума Григорием Васильевичем назвать, но тоже привык. «С добрыми вестями пришедший человек Григорий Васильевич» – так стал звать доктора Кропка.

* * *

Торум скоро к весне повернул. За зиму намёрзший белый снег растаял, за зиму намёрзшие толстые льды ушли по реке. У сына поселился Кропка. Не пускает его сын в свой дом среди болот с кедровыми деревьями на кедровом острове построенном. На крутом яру примостившемся стойбище жил. Сын отдельный дом ему построил. Всё у него есть: и поест, и попить, и мясо, и хлеб, и ягоды. Ни в чём не нуждается.

– Я так мужчиной с горбом на животе стану, – говорит сыну, – принеси хоть бересты, буду набирки-кужельки делать.

Принесёт сын бересты.

– Принеси, сын, берёзу, хочу ножны сделать, да кап принеси для ручки под нож, – снова требует Кропка.

Принесёт сын берёзовый чурак да кап.

Ножны сделает, кужелек наделает на всю семью. Даже ногу себе деревянную сделал. Ремнями кожаными пристегнёт, и на улицу выходит. На деревянную ногу штанину опустит, так и кажется, что две ноги у него. Только одна – негнущаяся. Год живёт, два, три. Привыкли люди к такому облику шамана, стали его Кропкой Одноногим звать.

Как-то в одной водной стороне, земной стороне Кропка шаманил на стойбище. Богата направленная удача пришла к ним с хвойного дома на четыре ветра. С грязными пятками Мохнатого Старика остановили, а то совсем разгулялся Старик, оленей стал драть. Богом повеленные пять дней плясали, песни пели.

И вот какой-то мальчик, увидевший, как шаман свою деревянную ногу кожаными ремнями пристёгивает, воскликнул удивлённо:

– А шаман-то не весь приехал. Ноги-то у него нет!

Вот так сказал малец. Именно на то намекнул, что нет какой-то части человека, что эта часть не при нём. А где она эта часть? Где нога? Вот о чём задумался тогда шаман. Раньше ему и в голову не пришло, а теперь задумался.

Заругались взрослые на малыша, что так дерзко сказал в глаза шаману, самому Кропке Одноногому.

– Не ругайте его, – сказал Кропка, – он правду сказал.

Холодного ветра начало почувствовал. С той поры не идёт с головы возникший вопрос: где нога? «Как так получилось, что и не вспомнил о ней никогда. А где она, нога моя?» – думал Кропка.

По ночам сны стали сниться, что нога его неприкаянная, хозяйина потерявшая, ходит-бродит по землям далёким, землям близким, по лесам и гривам, по болотам бескрайним, ищет, кому же она принадлежит.

Выше бегущих облаков поднимался вверх во снах, с высоты осматривает землю Кропка. И ему хочется свою ногу найти. Далёкие воды, далёкие земли осматривает, близкие воды, близкие земли осматривает. Нигде нет ноги. Следы попадают, а вот ноги нет нигде.

То он видит нарту без всадника о трёх оленях запряжённую, обветренными вожжами зацепившуюся за пень. Олени истощавшие, лежат на снегу, не в силах порвать вожжи, освободиться, чтобы ягелем покормится. А вот и сын, подъезжающий к ним. Освобождает он оленей, ягель приносит, вырытый из-под снега. И олени жадно едят принесённый сыном ягель, и наливаются силой от земли идущей. Вот сын бежит вокруг нарти, ищет, ищет. Его ищет, его зовёт, но только след одной ноги вокруг виден.

Ранним утром вдруг услышит хруст снега, выглянет в окошко – никого. Только ляжет, снова снег хрустит. Пристегнёт ногу, выйдет на улицу. Никого нет вокруг, только след померещится одной ноги. Днём пойдёт смотреть – нет никаких следов.

– Что, отец, утром на улице-то бродил вокруг дома. Потерял, может, что? – спросит сын.

– Потерял, – отрешённо скажет.

– Что потерял? Скажи, помогу найти.

А как скажешь? Вдруг подумает, что из ума выжил? Молчит.

– Отец, я же не слепой, всё вижу.

– Ногу ищущу. Примерещилось, что бродит она вокруг дома.

Удивится сын, не знает, что и сказать. Тоже молчком обойдётся.

То покажется ему, что нога в его доме среди болот с кедровыми деревьями кедровом острове построенном. Одна.

– Хочу в дом свой съездить, запряги оленей, – просит Кропка.

– Скажи, что нужно в доме, я сам привезу, – говорит сын.

Замкнётся, молчит. Сын догадывается, что снова нога его мучает.

– Нет её там, – говорит.

– А где она?

– В больнице осталась.

Как сам не догадался, что в больнице нога осталась? Решил Кропка ехать в больницу. Как ни отговаривал его сын, поехал. Зашёл в кабинет к «с добрыми вестями пришедшему человеку Григорию Васильевичу».

– Здравствуй, «с добрыми вестями, пришедший человек Григорий Васильевич».

– Здравствуй, Прокопий.

– Хочу узнать, где нога моя?

– Как это где? Её ампутировали, отрезали, то есть.

– Я понимаю, только я хочу знать, где она?

И рассказал доктору, как нога бродит вокруг, как он ищет её везде, а найти не может.

Доктор выслушал внимательно, понял, что пока он ногу не найдёт, не будет ему покоя.

– Захоронили её.

– Где?

– Я того и сам не знаю, – говорит «с добрыми вестями пришедший человек Григорий Васильевич».

– А кто знает?

– Может, тебе наш сторож поможет, он и захоранивает отрезанные части...

– Вот и ещё одну добрую весть ты принёс мне, добрый человек, – сказал Кропка и вышел на улицу.

Нашёл сторожа.

– Где нога моя? – спросил.

– Пойдём, покажу, – сказал сторож. Ему уже дал распоряжение Григорий Васильевич.

Пошли на край посёлка.

– Здесь лежит твоя нога.

Вырыли. Одни косточки остались.

Приехал в стойбище Кропка, сделал из кедра шкатулку, сложил туда кости и в лабаз поставил.

– Когда умру, в гроб положишь, – сказал сыну, – чтоб я целиком в гробу лежал, чтоб никто не сказал, что я там не весь, не целиком.

А из одной кости сделал себе ножны Кропка Одноногий. Он с этими ножнами никогда не расставался. Своё же носил.

– Ножны только оставь, – завещал шаман сыну, – а нож выбросишь – им пользоваться людям нельзя.